

ИСТОКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО УЧЕНИЯ О ЧИСТИЛИЩЕ В ЗАПАДНОЙ ПАТРИСТИКЕ III-VII вв.

Всем хорошо известно западное средневековое учение о чистилище. Однако не все ясно представляют себе, как далеко его истоки уходят в западную патристическую традицию. В нашем кратком сообщении мы попытаемся показать основные вехи формирования этого учения на Западе в III-VII вв.

1. Впервые на латинском Западе вопрос *частной эсхатологии*, т. е. участи человека в период от его телесной смерти до всеобщего воскресения и Страшного Суда, был затронут уже в начале III века знаменитым карфагенским апологетом и богословом *Тертуллианом*. Подобно большинству раннехристианских писателей, эсхатология Тертуллиана представляет собой разновидность *хилиазма*. По мнению Тертуллиана, основывающегося на притче о богатом и Лазаре (Лк 16:19-31), после смерти души *всех* людей, за исключением христианских мучеников (ср. Откр 6:9), отправляются в ад: «Итак, всякая душа находится в преисподней? — спрашиваешь ты. Хочешь — не хочешь, и мучения уже там есть, и утешение: у тебя есть пример бедняка и богача» (De anima, 58)¹. Пока Христос сидит одесную Бога Отца, пока архангел не вострубил, небо остается закрытым для людей (за исключением христианских мучеников) и огненный меч охраняет вход в рай (De anima, 55). В аду же есть нижняя область (собственно *ад*, *inferi*) и верхняя (*regio sublimior*) – *лоно Авраамово* (*sinus Abrahae*); две эти области разделяет великая и непроходимая бездна (*magnum profundum*, Adv. Marc., IV.34). Души грешников спускаются в нижнюю область ада, где они мучаются в предвкушении будущего Суда и вечных наказаний (De anima, 55; 58). В свою очередь, души праведников относятся на *лоно Авраамово*, где им уготовано утешение (*refrigerium, solatium*) в предвкушении будущего блаженства; там они пребудут вплоть до конца света, воскресения мертвых и Страшного Суда. Таким образом, согласно Тертуллиану, *лоно Авраамово* – это лишь временное пристанище верующих душ (Adv. Marc., IV.34; De anima, 55; 58). Душа грешника, попавшая в ад, словно в темницу, страдает там за то, что совершила, и не выйдет оттуда, пока не отдаст *последнего кодранта* – т. е., как полагает Тертуллиан, пока не искупит самого малейшего греха и не понесет достойного наказания за него еще прежде воскресения своего тела: «Если мы понимаем ту темницу, о которой говорится в Евангелии, как преисподнюю, а последний кодрант как незначительный проступок (*modicum quoque delictum*), который надо искупить в при отсрочке воскресения, никто не усомнится, что душа искупает нечто в преисподней» (*animam aliquid pensare penes inferos*, De anima, 58; ср. De anima, 35; Adv. Marc., III.24; V.10; De resurrect., 17; 42). Для душ, находящихся в таком состоянии ожидания, могут принести пользу молитвы родных, оставшихся на земле, и особенно церковные жертвоприношения (*oblaciones pro defunctis*, De corona, 3). Так, Тертуллиан приводит случай с женой, которая молилась за душу своего мужа после его смерти,

¹ Эту точку зрения разделяли и другие доникейские латинские богословы, такие как Арнобий (Adv. nat., II.14; 65) и Лактанций (Div. instit., VII.21). В частности, последний полагал, что не следует считать, что души тотчас после смерти подвергаются Божественному Суду, поскольку *все* они до времени содержатся в *общей* темнице (*in una communique custodia*) до тех пор, пока не наступит время, когда Высший Судья будет разбирать их заслуги. Тогда те, чья праведность будет подтверждена, получают награду бессмертия (*praemium immortalitatis*), а те, чьи грехи и злодеяния будут раскрыты, не воскреснут, но вместе с нечестивыми будут содержаться во тьме, предназначенные для будущего вечного наказания (Div. instit., VII.21).

чтобы та обрела покой и получила удел в первом воскресении; кроме того, ежегодно в день его смерти она приносила за него жертву (De monog., 10).

Таким образом, Тертуллиан первым из западных богословов пришел к представлению, близкому к последующему представлению о чистилище. При этом основаниями этого были, во-первых, хилиастическое представление о двух частях ада, основанное на Лк 16:19-31, во-вторых, слова из Евангелия от Матфея о темнице и последнем кодранте (Мф 5:26), в-третьих, церковная практика молитв и жертвоприношений за усопших. Вместе с тем возможность посмертного искупления *незначительных* грехов Тертуллиан предполагает только до Страшного Суда, на котором грешники будут окончательно отделены от праведников и подвергнутся вечному осуждению и вечным огненным мучениям, не имеющим исправительного характера (Ad nat., I.19; Apol., 18; 48; De resurr., 14; 25; De spect., 30; De fuga, 7; De paenit., 12).

2. Дальнейший интерес к вопросу посмертной участи людей проявляется на Западе в IV веке. Так, *свт. Иларий Пиктавийский*, так же как и Тертуллиан, полагает, что до Страшного Суда праведные покоятся на лоне Авраамовом в блаженстве, а грешные подвергаются наказаниям в аду: «Время смерти владеет каждым по своим законам, пока или Авраам, или наказание сохраняет каждого для Суда» (Tract. In Ps. 2.48; ср. 51.22; 57.5). Но, в отличие от Тертуллиана, Иларий считает, что после смерти человек не может уже пользоваться своей свободой воли (*libertas voluntatis*) и поэтому не может раскаяться и исправиться: «После того, как прекратится свобода воли, прекратится и какое бы то ни было действие воли. Ведь богачу, захотевшему перейти к Аврааму, препятствует находящаяся посередине пропасть (Лк 16:26), хотя он мог бы оказаться на лоне Авраамовом благодаря свободе воли. Стало быть, [после смерти] свобода воли заперта, поскольку у мертвых нет никакой исповеди, согласно сказанному: *Во аде же кто исповедается Тебе?* (Пс 6:6)»² (Tract. In Ps. 51.23). Впрочем, здесь говорится лишь о том, что зависит от желаний и действий самого человека, и не принимается во внимание молитвы за него родственников и Церкви. С Иларием согласен *блаж. Иероним*, отождествлявший день смерти и день Суда: «Под днем Господним понимай день Суда или день исхода каждого [человека] из тела; ведь то, что в день Суда будет общим для всех, то исполняется для отдельных людей в день смерти» (Comm. Joel., 2.1).

Их современник *свт. Амвросий Медиоланский*, на основании 3 Езд 7:32, сохранившейся только в латинском переводе (в Vulgat'e 4 Езд 7:32: *И отдаст земля тех, которые в ней спят, и прах тех, которые молчаливо в нем обитают, а хранилища (promptuaria) отдадут вверенные им души*), пришел к заключению, что до времени Страшного Суда души умерших содержатся в некоторых «вышних обителях» (*superiora habitacula animarum, habitationes*), о которых Христос сказал, что их много у Его Отца (Ин 14:2) и которые Он идет приготовить для Своих учеников (De bono mortis, X.45). По мнению Амвросия, в этих обителях-хранилищах (*promptuaria*) души ожидают должного воздаяния (*remunerationem debitam*): одних ожидает наказание, других — слава (De bono mortis, X.47). Хотя Амвросий и не предполагает, что в этих обителях отдельные души подвергаются очищению от грехов, это представление впоследствии стало одним из оснований для учения о чистилище.

Наконец, анонимный экзегет IV века, написавший толкования на корпус посланий ап. Павла и известный в науке под именем *Псевдо-Амвросия, или Амвросиаста*, на основании слов 1 Кор 15:52-53, проводит различие между святыми, пребывающими в блаженстве, нечестивыми, пребывающими в мучении, и остальными людьми, которые наказываются с целью очищения от грехов: «Апостол сказал, что *мертвые воскреснут нетленными*, то есть будут бессмертными, но не бесстрастными. Ведь те, о которых говорит здесь апостол, будут претерпевать наказания

² В Синод. пер.: *во гробе кто будет славить Тебя?*

сообразно качествам своих грехов (*pro qualitatibus delictorum suorum*) так, чтобы они вышли оттуда (*inde*, т. е., по-видимому, из чистилища) после отдания долга (*soluta debito*); а нечестивые будут мучиться в вечном наказании... В пришествие же Господа воскреснут и святые, и те, кто тогда обретется живым, *будут восхищены в сретенье Господу на воздухе* (1 Фес 4:17), претерпев смерть, словно сон, поскольку в самом восхищении они обретут одновременно и смерть, и воскресение» (Comm. in 1 Cor 15.53).

3. В конце IV – начале V века на Западе учение о чистилище начинает обретать свой классический вид у блаженного *Августина*. Августин, отвергавший всякий хилиазм, в своем подходе к рассматриваемому вопросу основывается, во-первых, на свидетельствах Св. Писания (таких как Мф 5:26, 1 Кор 3:11-15 и др.), и, во-вторых, на церковной практике молитв и жертвоприношений за усопших. Наиболее ясно и систематично Августин разбирает интересующий нас вопрос в *Энхиридионе* к Лаврентию, написанном в поздний период (в 421 г.): «В течение времени, которое лежит между смертью человека и последним воскресением, души содержатся в сокрытых местах (*abditis receptaculis*), смотря по тому, чего каждая из них достойна: или в покое, или в мучении, соответственно тому, чего она заслужила, живя во плоти. Но не следует также отрицать, что души умерших могут получить облегчение благочестием остающихся в живых своих родственников, когда за них приносится жертва Ходатая³ или творятся в Церкви милостыни. Но эти [религиозные действия] приносят пользу только тем [почившим], которые еще при жизни заслужили то, чтобы потом они могли быть им полезны. Ведь есть такой образ жизни, который и не столь хороший, чтобы человек не нуждался в этом после смерти, и не столь дурной, чтобы это не могло принести ему никакой пользы после смерти. Но бывает образ жизни столь хороший, что человек не нуждается в этом; и наоборот, столь дурной, что этого уже недостаточно для оказания ему помощи, когда он отойдет из этой жизни. Поэтому именно в этой жизни приобретаются все заслуги, по которым кто-нибудь сможет *после* этой жизни получить либо облегчение, либо усугубление. И пусть никто не надеется после смерти получить у Бога награду за то, чем он в земной жизни пренебрег. Таким образом, то, что Церковь часто совершает ради умерших, не противоречит вышеупомянутым апостольским словам: *Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христова, чтобы каждому получить соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор 5:10). Потому что каждый, живя в теле, приготовил себе ту заслугу, чтобы жертва и милостыня могли быть полезными ему [за гробом]. Ибо это помогает не всем. Но почему же не всем, как не по причине различия жизни, которую каждый провел в теле? Следовательно, когда приносятся жертвы алтаря или в виде какой-либо милостыни за всех крещеных умерших, то за весьма хороших людей они служат выражением благодарности, за не очень дурных — умилованием (*propitiationes*), а за совершенно дурных, хотя несколько не помогают почившим, служат хоть каким-то утешением для живых. Тем же, кому они приносят пользу, они способствуют или полному отпущению [грехов] (*plena remissio*) или более снисходительному осуждению» (*tolerabilior damnatio*, *Enchiridion*, 109-110; ср. *De cura pro mortibus gerenda*, I.2-3; *De civ. Dei* XXI.24; 26; *De octo quaest. Dulcit.*, I.1-14; II.1-4).

Таким образом, учение Августина об участи душ после телесной смерти и до всеобщего воскресения и Страшного Суда можно свести к следующим положениям. Во-первых, души содержатся в неких «сокрытых местах», в состоянии или покоя, или мучения, соответственно тому, чего они заслужили, живя во плоти⁴. Во-вторых, для тех, кто вел на земле средний образ

³ По-видимому, имеется в виду Евхаристическая жертва.

⁴ Следует отметить, что Августин, хотя и допускает возможность на основании Лк 16:19-31 полагать, что до сошествия Христа во ад все души содержались в аду: праведники — в покое на лоне Авраамовом, а грешники — в мучении в нижней области; но признает, что не имеет точного знания об этом (Ер. 187.6).

жизни, т. е. не слишком хороший, и не слишком дурной, Августин допускает возможность облегчения их страданий и искупления их грехов по молитвам родственников и Церкви. В третьих, Августин различает *огонь вечный*, карательный, уготованный диаволу, его ангелам и нераскаянным грешникам, и *некий очистительный огонь* (*ignis quidam purgatorius*), через который некоторые верующие спасутся или очистятся от своих грехов настолько медленнее или быстрее, насколько больше или меньше они возлюбили преходящие земные блага вместо вечных небесных (*Enchiridion*, 69; *De civ. Dei* XXI.26; *De fide et operibus*, XIV-XVI.23-30; *De octo quaest. Dulcit.*, I.2-14). Этот огонь означает искушения, скорби и напасти, которыми все люди испытываются уже в этой жизни, но некоторые люди, именно, те, кто вел на земле средний образ жизни, будут испытываться им после этой жизни и терпеть страдания, цель которых — истребление грехов и спасение самих людей. Вместе с тем следует еще раз отметить, что, по мнению Августина, основная возможность изменения посмертной участи людей, ведущих средний образ жизни, зависит не столько от их посмертного раскаяния и очистительных наказаний огнем, сколько от молитв их родственников и церковных жертвоприношений за них. Как разъясняет Августин, «в Маккавейских книгах (2 Макк 12:43) мы читаем, что за мертвых приносилась жертва. Но даже если бы нигде в ветхозаветных Писаниях мы не читали ничего подобного, то немалым делом был бы авторитет вселенской Церкви, который явствует в этом обычае, когда среди молитв священника, которые возносятся Господу Богу пред Его алтарем, свое место имеет и молитва за мертвых» (*De cura pro mortibus gerenda*, I.3). В четвертых, по мнению Августина, после всеобщего воскресения и Страшного Суда уже не будет никакого среднего состояния, в котором те люди, которые не вошли в Царство Божие, были бы свободны и от вечного огненного наказания (*De civ. Dei* XXI.25).

4. Окончательную форму западное патристическое учение о чистилище приобрело в VI-VII веках. Это было связано, прежде всего, с богословской деятельностью папы Григория Великого (540-604 гг.), эсхатологическое учение которого пронизано идеями блаж. Августина. Он полагает, что до первого пришествия Христова души всех людей, как праведных, так и грешных, заключались в ад (*infernī claustra*, *Moralia*, IV.29.56; XII.9.13; *Nom. in Euang.*, 19.4). При этом праведные покоились в верхних частях ада (*superiora loca*), а грешные претерпевали мучения в его нижних частях (*inferiora*, *ibid.*, XII.9.13). Но после того, как Христос сошел во ад, разрушил его затворы и освободил тех, кого по вере и делам признал своими, души совершенных праведников (*perfectorum iustorum*), после разлучения с телом, тотчас, без всякого замедления обретают покой в Небесных чертогах (*in caelesti sede requiescunt*, *Moralia*, IV.29.56; XIII.43.48; *Nom. in Euang.*, 19.4; 22.6; *Dialogi*, IV.25; *Registr. Epist.* VII.15). Однако свт. Григорий полагает, что их блаженство до последнего Суда еще несовершенно: ведь сейчас они наслаждаются блаженством только душами, а после воскресения и Суда будут наслаждаться и телами, и будут радоваться прославлению как своих душ, так и тел (*Dialogi*, IV.25; *Moralia*, XVIII.54.90; XXX.4.17).

Далее, по мнению свт. Григория, те души, которые на земле еще не достигли совершенной праведности (*perfecta iustitia*), не сразу попадают в Царство Небесное; они еще отделены от него «некими обителями» (*quibusdam mansionibus*, *Dialogi*, IV.25). Основываясь на некоторых свидетельствах Св. Писания (напр., Мф 12:31; 1 Кор 3:12-15), а также на практике церковной молитвы за усопших, особенно на приношении за них Евхаристической жертвы, через которую им прощаются легкие грехи (см. *Dialogi*, IV.55-57), свт. Григорий полагает, что до времени всеобщего Суда существует некий «очистительный огонь» (*purgatorius ignis*), которым очищаются незначительные и легчайшие грехи (*parva minimaque peccata*; *peccata minima atque levissima*); в то время как более серьезные и тяжкие грехи (*peccata majora et duriora*) неразрешимы и в будущей жизни (*Dialogi*, IV.25). Поэтому те люди, которые запятнали себя тяжкими грехами и не принесли своевременного покаяния, сразу после смерти идут в ад

(*infernus*) для мучений адским, или гееннским огнем (*gehennae ignis*), который был создан Божественной справедливостью от самого начала мира (*ab ipsa mundi origine*) в предведении грехопадения и будущего Суда (*Moralia*, XV.29.35; *Dialogi*, IV.28). По мнению свт. Григория, ад находится под землей, причем он отстоит от земли настолько, насколько земля от неба (*ibid.*, IV.42)⁵. И хотя свт. Григорий не дает точных разъяснений относительно чистилища, можно предположить, что те «обитатели», которыми некоторые люди отделены от Царства Небесного и в которых они проходят очищение от грехов, располагаются либо между землей и небом, либо между землей и адом (т. е. в той части, которая ранее считалась *лоном Авраамовым*). Таким образом, у свт. Григория Великого мы находим уже почти что Дантевскую картину:

Рай
Чистилище
Земля
Ад

Помимо папы Григория в VI веке вопроса о чистилище касался Верекунд Юнценский (ум. 552 г.). Так, он полагал, что двери рая ограждены очистительным огнем, чтобы через него прошли в рай все люди, которые должны спастись. Этот огонь называется очистительным (*purgatorius ignis*), поскольку он предназначен для очищения наших прегрешений (*ad purgationem nostrorum delictorum*). При этом в каждом человеке этот огонь разгорится настолько сильнее, насколько больше обнаружит в нем греховной скверны (*Com. super cantica ecclesiastica: In cant. Deuteronomii*, 23; CPL 870). Наконец, в VII веке своего рода итог учению о чистилище подвел Юлиан Толедский (ок. 652-690 гг.). По его словам, то, что после смерти существует очистительный огонь, определено многими толкователями, среди которых он называет Августина и Григория Великого (*Prognosticorum futuri saeculi*, II.19; CPL 1258). При этом, по свидетельству Юлиана, и тот, и другой ограничивали действие этого огня «легчайшими прегрешениями» (*leuibus culpis*), с чем соглашается и сам Юлиан (*ibid.*). Так же как и Августин, Юлиан полагает, что после смерти человек может приобрести очищение от этих легчайших грехов, только если он уже в земной жизни добрыми делами заслужил это очищение. И таким огнем спасутся многие (*ibid.*). Как и Августин, Юлиан ограничивает действие этого огня и очистительные наказания душ (*poenae purgatoriae*) временем до Страшного Суда (*ibid.* II.21). При этом время, в которое человек будет подвергаться очистительным карам, будет различаться в зависимости от того, как много или мало он привязался к преходящим земным благам (*ibid.* II.22).

5. Таким образом, в V-VII веках на Западе в основном уже сложилось средневековое учение о *чистилище* (*purgatorium*), хотя само это слово еще не употребляется в качестве существительного, но лишь в качестве прилагательного при существительном «огонь»: *purgatorius ignis* («очистительный огонь»). Основные черты этого учения таковы. Во-первых, до всеобщего воскресения и Страшного Суда существует некое среднее состояние между блаженством праведных в Раю и мучением грешников в аду. Это состояние очищения от незначительных грехов для тех людей, которые вели на земле средний образ жизни, т. е. не слишком хороший и не слишком дурной, и заслужили это очищение верой и добрыми делами. Во-вторых, существует некий очистительный огонь, который не тождествен адскому карательному огню и которым производится очищение людей от незначительных грехов с целью спасения самих этих людей. Этот огонь располагается в преддверии рая или в «неких

⁵ Иногда свт. Григорий рассматривает землю как «верхний ад» (*infernus superior*), а собственно ад как «ад нижний» или «преисподнейший» (*infernus inferior*, *ibid.*, IV.42).

обителях», находящихся между землей и небом, и означает различные скорби, бедствия и испытания, которым подвергаются такие люди. В-третьих, посмертное очищение таких людей от грехов возможно только по молитвам их родственников и всей Церкви, а особенно благодаря приносимой за них Евхаристической жертве. Вместе с тем все это может помочь таким людям только в том случае, если они уже на земле вели жизнь, достойную христианской веры.

Как представляется, такое учение о посмертной участи людей весьма сходно с православным учением о мытарствах, которые проходит всякая душа, совершая путь от земли на небо. Оно также соответствует православной практике церковной молитвы и принесения Евхаристической жертвы за усопших.